

В этот день они отправились в Океанический парк, чтобы посмотреть на дельфинов и медуз, а затем заглянули на улицу Мо Ло, где продавались поддельные антиквариаты. А-Да был рассеян и, стоя в очереди за молочным чаем, не удержался и стал искать в интернете рестораны Гонконга. La Region — это новый ресторан высокой кухни, который открыла семья Су. Лаосань, вероятно, имел в виду именно его. Просматривая информацию о ресторане, А-Да с удивлением обнаружил, что шеф-повар этого заведения был его бывшим учеником.

Он проработал в ресторанах высокой кухни более десяти лет, став шеф-поваром в возрасте чуть за двадцать. Многие молодые повара, работавшие с ним, до сих пор называли его «учителем». В этой сфере высокая текучесть кадров, а с недавним бурным развитием азиатского ресторанного бизнеса его ученики разъехались по всей Азии.

Пока он размышлял, что-то вдруг коснулось его спины. Подняв глаза, А-Да увидел неопрятного бродягу, который бросил на него холодный взгляд и резко сказал:

— Дорогу!

А-Да поспешно отступил в сторону. Бродяга, держа в руках большой картонный ящик, прошёл мимо него, и тут кто-то рядом крикнул:

— Слепой, что ли, нищий проклятый!

А-Да не видел, как бродяга задел того человека, но услышал, как они начали спорить. Он отступил на шаг, прикрыв собой Красную Фасольку, чтобы защитить её, если вдруг спор перерастёт в драку.

Однако Красная Фасолька не испугалась. Широко раскрыв глаза, она наблюдала за происходящим и заметила:

— У гонконгцев такой вспыльчивый характер, что даже от случайного касания готовы подраться?

А-Да подумал, что, возможно, тот человек просто брезгует бродягой. Но тут Красная Фасолька фыркнула:

— А-Да, этот нищий очень похож на тебя.

— Что?! — сердце А-Да пронзила стрела.

Присмотревшись, он заметил, что у бродяги густая борода, волосы, собранные в небрежный хвост, широкие шорты и потрёпанные синие шлёпанцы. Разве он не был его копией?

А-Да, чувствуя досаду, возразил:

— Где там! У него... у него есть часы, а у меня нет!

На руке бродяги действительно были спортивные часы ярко-красного цвета, и, несмотря на потрёпанную одежду, он выглядел даже немного опрятнее А-Да. Красная Фасолька рассмеялась:

— Лаосань говорил, что тебе стоит одеваться получше, тогда ты будешь выглядеть как звезда.

А-Да усмехнулся:

— Значит, если я не буду ухаживать за собой, то стану нищим? Эх, если бы я потерял ещё один палец, то на улице мне бы точно повезло больше, чем этому парню.

Красная Фасолька засмеялась:

— Да, девятипалый божественный нищий — ты бы точно стал популярен.

Через некоторое время они наконец добрались до кассы, а спорщики, обменявшись ругательствами, разошлись в разные стороны. Когда А-Да хотел расплатиться, он обнаружил, что кошелёк исчез!

Красная Фасолька вскрикнула:

— Я знаю! Это тот нищий стащил его, он специально толкнул тебя!

А-Да оглянулся, но бродяги и след простыл.

Они с Красной Фасолькой вернулись в отель в подавленном настроении. По дороге она предложила:

— Что теперь делать? Может, пойдём к Лаосаню?

А-Да промолчал. У него было не так много наличных, а потеря кредитной и банковской карт сильно осложнила бы их четырёхдневное пребывание в Гонконге. Ему нужно было найти кого-то, кто мог бы помочь. Однако в Гонконге он знал не только Лаосаня. Подумав, он покачал головой и сказал:

— Вернёмся в отель, потом решим.

— А-Да! — внезапно с гневом воскликнула Красная Фасолька. — Тот нищий там! Он... он рисует! Это слишком, украд кошелёк и даже не убежал, а продолжает рисовать!

А-Да посмотрел в указанном направлении и действительно увидел бродягу, который стоял спиной к прохожим и что-то писал на стене здания. Его почерк был сильным и уверенным, а текст — древним, что-то вроде «Однако кто знает, не был ли это век Цинь» или «Но мир не понимает, считая это деянием духов».

Из-за странности происходящего они не сразу бросились к нему. Красная Фасолька спросила:

— Что это он пишет?

— Не знаю, — ответил А-Да.

Он мало учился и всегда с почтением относился к образованным людям. Бродяга писал с такой сосредоточенностью, что окружающие лишь наблюдали, не решаясь помешать. Красная Фасолька предложила:

— Давай вызовем полицию.

А-Да покачал головой:

— Он не вор.

Он быстро сообразил:

— Деньги украл тот, кто с ним спорил. Он отвлекал внимание, а его сообщник стащил кошелек. Вероятно, они поняли, что мы иностранцы, и решили на нас напасть.

Красная Фасолька вздохнула:

— Что же делать? Нищего я узнаю, а того человека — нет.

А-Да долго смотрел на надпись на стене, а затем вдруг сказал Красной Фасольке:

— Ты садись в такси и возвращайся в отель. Мне нужно кое-что сделать.

— Что? — удивилась она.

А-Да улыбнулся:

— Пойду к своему ученику. Он говорил, что я многому его научил, и хотел бы отблагодарить меня. Теперь я дам ему такую возможность.

А-Да сел в такси. За окном мелькали бесконечные небоскрёбы и чистые, ухоженные улицы. В отражении стекла он увидел своё лицо.

Он редко обращал внимание на свою внешность, но теперь, глядя на себя, он вдруг осознал, что его внешний вид и одежда, которые были естественны в лесу, в этом большом городе выглядели слишком вызывающе.

Мать Лаосаня презирала его, охранники семьи Су считали его чудовищем, и даже Красная Фасолька, и даже он сам, когда смотрел на бродягу со стороны, не могли не почувствовать странность.

Неопрятный, бедный, убогий... Нет, не из-за этих факторов. Главное было в том, что в бродяге была какая-то гордость, словно он намеренно противостоял всему миру. Его не столько презирали, сколько он сам презирал суету этого города, ставя себя в положение изгоя.

А-Да увидел себя и в тот же миг понял одну вещь: он согласился поехать с Лаосанем лишь для того, чтобы его успокоить. В глубине души он всё ещё не покинул лес.

Он вернулся в свои девять лет, когда умер его отец, и он был вынужден переехать с матерью в город. Он был тревожен, голоден и боялся всего вокруг.

Оглядываясь назад, он понимал, что никогда не любил внешний мир. Он был застенчивым и прямолинейным, не умел красиво говорить и не знал, как использовать общение для достижения лучшего положения. Бедность заставляла его постоянно голодать, у него никогда не было подходящей одежды, и он был вынужден презирать материальные блага, чтобы сохранить своё достоинство.

Как же он смог выбраться из всего этого? Его воспоминания были смутными. Наверное, после множества насмешек, унижений и тяжёлой работы он понял, что только большие усилия помогут ему выжить.

Цзэн Кэда был гениальным поваром. Возможно, у него действительно был талант к кулинарии, но успеха он добился благодаря голоду, глубокому отчаянию от неприятия и сопротивлению внешнему миру.

Став знаменитым, он притворялся, что ему нравится всё это, но на самом деле он не получал

удовольствия. Внешний мир всегда вызывал у него чувство незащищённости. Слава и богатство не приносили ему покоя.

Инцидент с отравлением, который для других стал ударом, для него оказался долгожданной возможностью. Он нашёл законный повод вернуться к своему началу, в то место, где чувствовал себя в безопасности.

Он и этот бродяга были одинаковы. Писать древние иероглифы на стене, выражать эмоции прошлого, слова, которые мир не понимал, — всё это было лишь попыткой скрыть свою слабость и страх, сохранить остатки самоуважения.

Теперь это знакомое чувство снова окутало его. Он вернулся в свои девять лет, когда переехал с матерью в город. Впереди его ждала новая встреча с внешним миром.

Но на этот раз он был не один. В каком-то смысле, с ним был Лаосань. Однако Лаосань отличался от него. В нём ещё горел огонь, как когда-то в самом А-Да, в его двадцать лет. Он не хотел смириться, он не хотел отступить.

Сможет ли всё закончиться иначе, если они будут вместе?

Такси погрузилось в темноту, въехав в подводный тоннель.

Лаосань передал ключи от машины служащему и быстрыми шагами вошёл в ресторан.

Он огляделся. Ресторан, которым управлял Су Лаоэр, всегда отличался тщательно продуманным стилем, сочетающим все модные элементы — неприметный вход, скрытая вывеска, лаунж-зона с демонстративной выставкой множества дорогих вин. Официанты сновали между столиками, подавая гостям закуски из чёрной свинины и яичные вафли с мороженым из сычуаньского перца.

Лаосаню не пришлось ждать. Официант с профессиональной улыбкой провёл его на второй этаж к шестиместному столику у окна. На прямоугольном столе стояли бледно-фиолетовые и белые розы без запаха, а вокруг были расставлены кадки с растениями, создавая уединённую и спокойную атмосферу.

«Однако кто знает, не был ли это век Цинь» — цитата из «Рассуждений о Лю Хоу» Су Ши.

<http://bllate.org/book/16329/1474028>